

Старшая сестра Софьи Ковалевской

Вопросы истории. 1994, № 6

Веб-публикация: [Vive Liberta](http://vive-liberta.org)

Ната Павловна Ефремова

Биография А. В. Корвин-Круковской исследована значительно меньше, чем биография ее младшей сестры Софьи по мужу Ковалевской. Но по мере накопления материала о жизни и деятельности великого математика Ковалевской обогащалось и жизнеописание ее сестры Анны¹.

Сознательная жизнь сестер Корвин-Круковских началась в псковском имении их родителей — селе Палибино. Анна «с ранней своей молодости... была очень хороша собой, с прекрасным цветом лица и массой белокурых волос, а кроме того, у нее было много своеобразного шара», — писала позже С. В. Ковалевская. Анюта, в отличие от Софьи, которая не проявляла особого интереса к нарядам, любила надевать украшения матери и любовалась, глядя на себя в зеркало. От матери Анюта переняла эстетический вкус, артистизм в манерах. Она хорошо танцевала, успешно занималась музыкой и с удовольствием играла в домашних спектаклях, которые обычно устраивались к именинам ее матери. Игра Анюты имела успех у палибинских гостей, и ей уже мешалось о профессиональной сцене. Не раз в последующие годы у Анны Васильевны проявлялась склонность к перевоплощению. Она признавалась своей знакомой: «Я ужасно люблю изучать обычаи страны и входить в роли женщин разных стран. В Париже я была настоящая француженка, а здесь (в Цюрихе — Н. Е.) я старюсь сделаться на время, конечно, истинной швейцаркой»².

Увлечение театром ярко проявлялось и у Софьи Васильевны. Но театр не стал для сестер жизненным предназначением. Противостоял этому суровый отец палибинских барышень: генерал В. В. Корвин-Круковский и слышать не хотел о сценической карьере Анны. В его представлении это могло быть уделом падших женщин. Дворянкам позволялось читать и танцевать сколько душе угодно, но только дома и на балах. Там эти средства были позволительны, чтобы составить выпоучную партию. По мнению генерала Корвин-Круковского, его Анюта «любого королевича с ума сведет», ей «хоть прямо во дворец». Но Анну Васильевну такая участь не привлекала. И чем сильнее ее принуждали к традиционному обряду жизни, тем сильнее становилось ее сопротивление. Видимо, деспотизм главы палибинского семейства, пренебрежительное и даже грубое его отношение к жене в глазах Анны явились наглядной демонстрацией того, как не следует жить, побуждали ее следовать другим идеалам.

Протест Анны против дворянских устоев, возможно, был бы сломан, если бы он не подкрепился ее стороны зрелищных обстоятельств. Умами молодой России того времени владели революционные демократы (сестры Корвин-Круковские через всю жизнь пронесли благоговение перед идейным вождем демократического лагеря — Н. Г. Чернышевским). Как бы ни хотелось генералу Корвин-Круковскому, чтобы в его усадьбе все оставалось по-старому, как бы ни устранили барышень от серьезных проблем, как бы ни отживали от фамильного гнезда всех «подозрительных», все же новые веяния доходили до Анны Васильевны, а через нее — по большому секрету — и до совсем еще юной Софьи. Доходили до них и идеи

Ефремова Ната Павловна — кандидат исторических наук

молодого физиолога Сеченова о рефлексных головных мозгах и увлечение Дарвина. В своем патристическом уединении Анна увлекалась опытами с лягушками и предъявляла этим новое требование — разрешить ей заниматься медициной. Но если для Софьи можно было пригласить в именин мате­матиков, то Анну следовало отпустить на учебу в столицу. Сделать это глава семейства попросту отказался. Но и утешить Анну ему не удалось. На глазах у домашних назрел настоящий бунт: Анна перестала разговаривать с отцом, подолгу не выходила из своей комнаты, сделалась нелюбимой с гостями. Тетушка Корвин-Круковских писала своей родственнице: «Аннота похваляется только к столу. Остальное время проводит в своей комнате, где изучает Аристотеля и Лейбница и заполняет целые листы выписками и рассуждениями. На мой взгляд непростительно, что Лиза (мать А. В. и С. В. Корвин-Круковских — Н. Е.) допустила свою дочь избрать такой ложной и опасной путь»¹.

Отставной офицер и будущий литератор М. И. Семеновский, бывавший в доме Корвин-Круковских, обратил внимание на разносторонние интересы Анны Васильевны: «Невольное дивнисье — писал он. — как под сенью деревенского дома, в глуши, в течение нескольких лет почти безвыездной жизни, выросла такая прелестная девушка; она вся дышит возвышенными идеалами жизни, чего-чего только она не перечтала на трех, четырех языках, какое близкое знакомство с истерией, какая бойкость суждений в области философии»². Анна Васильевна была благодарна Семеновскому за то, что он оделил в ней стремление к знаниям и самостоятельное отношение к жизни. Однако отец Анны расшил его интерес к Анне Васильевне лишь как к выгодной партии. Нельзя считать заурядной и влюбленность Анны Васильевны. Ей будущее замужество выдилось по-новому: не кэй дорога в замкнутый мир семьи, а как путь в мир широкого общественного исканий. А. В. Корвин-Круковская связывала достижения личного счастья с решением так называемого женского вопроса, то есть освобождения женщины от тройного гнета: от гнета законов, призывавших ее неоплодотворенной личностью, от пожизненного закрепления как законной собственности в чужое пользование, и экономическое освобождение открытым для нее новых путей трудом достигнуть обеспечения и самостоятельности. Пока не удовлетворено ни одно из этих требований, на что же было рассчитывать развитой женщине, как не на взаимопонимание мужа? Такая надежда, должно быть, теплалась у Анны при встрече с Семеновским, но ему было отказано от дома.

Уехал Семеновский, и все вновь стало постылым в родительской обители. И в третий раз поднялась она на борьбу. Только в этот раз бунт был скрыт до поры до времени от окружающих. Одна Софья заметила в сестре перемену. Анна писала тогда первые рассказы: «Сон» — мечта о свободе, — и «Михаил». Начинаящая писательница отправила свои литературные опыты в журнал Достоевского «Эпоха». К великой ее радости Достоевский одобрил пробу пера неизвестной палибинской барышни. «Эпоха» пригласила на своих страницах не ее одну, хотя в целом отношении Ф. М. Достоевского к женскому движению не было ни однозначным, ни неизменным. А. Г. Достоевская утверждала, что он «действительно не любил тогдашних нигилисток»³. Но это означало неприятие им лишь крайних, порой уродливых, форм женского освобождения, а вовсе не отрицание необходимости развития личности женщины, не отрицание необходимости нового к ней отношения. Письма Достоевского к А. В. Корвин-Круковской говорят о том, что в ее рассказах она ценит не только художественные достоинства, но тот самый «взгляд», который сформировался на понимание жизни и места в ней в передовой женской среде.

Известно, что Достоевский предложил Анне стать его женой, но она предложение не приняла. Какая перспектива ей открывалась в этом браке? Рассчитывать на собственное литературное творчество казалось маловероятным: она чувствовала, что предстояло целиком посвятить себя служению его таланту. И можно бы пожертвовать собственными планами, но для этого надо было любить Достоевского, а любви к нему Анна не испытывала. Достоевский отмечал у Корвин-Круковской высокие нравственные качества, которые проявились и в этом разумном решении — в отказе Достоевскому. Знаяшая Корвин-Круковскую Н. Д. Гизетти уточняет ситуацию следующим образом: «Этот брак для Анны Васильевны немислм был уже потому, что яркая энтузиастка-шестидесятиница, она не могла бы поступиться своими «диа­метральными противоположными» убеждениями и не только в угоду Достоевскому, но и для человека, которого полюбила бы». Принципы Корвин-Круковской своеобразно изложила дочь Достоевского: «Политические, нравственные и религиозные убеждения Корвин-Круковской были уже прочно установлены. Она строго критиковала Вселенную, плохо задуманную Богом и столь же плохо им созданныю, и намеревалась несколько исправить ошибки творца»⁴. Несомненно, атеизм Корвин-Круковской был «агемом преткновения» в ее отношениях с Достоевским, тем более что выражался он в резких, бескомпромиссных формах. Софья, наблюдавшая споры сестры с Достоевским, считала, что в пылу дискуссий оба они высказывали взгляды гораздо более крайние, чем те, которых они действительно придерживались.

Встречи с писателем прервались на долгие годы. Возможно, дальнейшей дружбе помешал отъезд всей семьи в Швейцарию для лечения Анны Васильевны. Такова была официальная версия поездки за границу, но, вероятно, она была вызвана иными причинами. После неудавшегося покушения Д. В. Каракозова на Александра II реакция в России усилилась, последовали аресты лиц, не причастных к покушению, но подозреваемых в радикальных взглядах. Несомненно, среди знакомых Анноты и Соии были пострадавшие. Так весной 1866 г. был арестован давний друг семьи П. Л. Лавров⁵. И видимо, неслучайно генерал Корвин-Круковский поспешил отправить свое семейство за границу: он рассчитывал, что за границей Анна освободится от пагубного увлечения людьми чужого круга. О той поездке Корвин-Круковских не сохранилось документальных материалов, но все же несомненно значение пребывания в Швейцарии для развития мировоззрения Анны Васильевны.

С осени 1867 г. семья Корвин-Круковских обосновалась в Петербурге. Анна Васильевна давно мечтала о жизни в столице, о широком поле деятельности на родине. Как отмечала в воспоминаниях шведская подруга С. Ковалевской А. Леффлер, сестры Корвин-Круковские вернулись из-за границы увлеченные новыми идеями, которые побуждали их к деятельности. Речь шла не о достижении личной свободы, а об осуществлении общественного идеала, о переустройстве общества. Литературные занятия потеряли для Анны Васильевны былую привлекательность и значе­ние. Она уже вытала в себя политические и социальные идеи... Ее красивая головка была полна мыслями, почти готовыми проектами и планами. Когда произносилось слово «жандарм», она приходила в ярость... она торопливо ходила взад и вперед по комнате, дрожа от негодования или погружаясь в глубокую скорбь», — так запомнилась Анна Васильевна своей близкой родственнице вскоре по возвращении из транзитной поездки. Софья отмечала в старшей сестре, что та всегда чутко прислушивалась «к каждому отголоску внешнего мира»⁶. Побывав за границей, Анна Васильевна поняла недостаточность только научного знания для изменения общества — надо было участвовать в политической борьбе. Однако в России этот путь для женщины был почти невозможен. Для Анны Васильевны конец 60-х годов стал временем поисков способа попасть за границу: со знакомыми и знакомыми знакомых сестры Корвин-Круковские тайком от родителей вели разговоры о том, как бы найти фиктивную жену для Анноты, который дал бы ей свободу выезда за границу.

Старшую барышню Корвин-Круковскую выручила сестра, вернее, В. О. Ковалевский, увлекшийся Софьей. Убежденный демократ, последователь Чернышевского, Ковалевский занимался изданием естественно-научной литературы. Оценив талант Софьи, Ковалевский поверил в то, что она реализует свои выдающиеся математические дарования, а Анна Васильевна будет известной писательницей. В письмах к брату Ковалевский не раз с похвалой отзывался о литературных занятиях Анны Васильевны: «в ней нельзя не узнать положительного таланта». Он советовал Анне Васильевне серьезно заниматься изучением литературы и критики, потому что нельзя стать хорошим беллетристом без такого подхода и выучки. Намереваясь выехать за границу вместе с Ковалевским, Анна Васильевна упорно добивалась согласия родителей. О том, как трудно шли переговоры, свидетельствует неопубликованное письмо А. М. Евревиной: «Уло­тробив сначала в дело всевозможные просьбы и мольбы, Аннота, наконец, решилась и оставила их совсем, перебравшись к сестре (из Палибино в Петербург — Н. Е.). Оттуда возобновились переговоры... ничем не увенчавшиеся... Хлопотали достать ка­ким-нибудь путем ее бумаги в практических дошли до немислмности жить самостоятельно»⁷. С большим трудом генерал Корвин-Круковский дал согласие на поездку Анноты с Ковалевскими на непродолжительное время.

Вместе с Ковалевскими Анна Васильевна поехала немного в университетском городе Германии Гейдельберге. По письму ближайшей подруги видно, что еще в России Анна Васильевна мечтала именно о Франции, потому, что там «появилось много хороших личностей, и движение там всего сильнее». Действительно, в начале 60-х годов во Франции усилилась борьба против империи, в политических выступлениях начали участвовать широкие слои рабочего класса. Письма Анны Васильевны к Софье Ковалевской обнаруживают ее вполне зрелые суждения относительно политической обстановки в стране и подтверждают незыблемость ее стремления стать участницей событий. Такой поступок требовал немалого мужества. В Париже вместе с другими соотечественниками Анна Васильевна выступила на стороне Парижской Коммуны, стала известна как одна из лидеров борьбы парижанок в дни Коммуны⁸.

Следует сказать, что существовавшую роль в формировании политических взглядов Анны Васильевны сыграл ее муж, член ЦК Национальной гвардии Ш. В. Жаклар. После падения Коммуны он был арестован, однако бежал и вместе с женой эмигрировал в Швейцарию. В 1874 г. Анна с мужем вернулась в Россию. После гибели Коммуны, крушения ее надежд на близость новой эпохи семья стала для нее отрадой и утешением. Анна Васильевна оказалась на высоте

новой новой мысли — она доказала самой себе, что умеет любить не только идеи, но конкретного человека со всеми его недостатками и противоречиями. Но эта полоса жизни не стала для Анны Васильевны вполне счастливым, потому что счастье всегда представлялось ей в гармонии личного и общественного. Однако по стечению обстоятельств были только проблемы счастья. Стиснутые плечами с тридцати лет, после переезда в Петербург, когда Жаклар, пришлось искать работу и приспособиваться к грудной доле изгнанника. В России жизнь устраивалась не так, как хотелось бы. Жаклар «был раздражителен и даже грубоват с женою и сыном, тогда подростком» — отмечал эгоистичный семьянин Анна Васильевна осуществила свою мечту — вступить сына в России. «Пусто, развивается там широко на просторе» — говорила она своей приятельнице.¹¹ Определенным утешением было для нее и то, что Жаклар продолжал участвовать в освободительном движении. В марте 1887 г. после раскрытого заговора против Александра III правительство потребовало от Жаклара немедленно покинуть страну. Прямое отношение к этому делу Жаклар очевидно не имел, но его неблагодарность была очевидна. Судя из статьям, которые он публиковал во Франции относительно жандармских порядков в России.

По ходатайству жены Достоевского Жаклару дали лишь небольшую отсрочку в связи с болезнью Анны Васильевны. Они выехали в Париж и в том же году Анна Васильевна скончалась. В одном из последних писем она сообщила друзьям, что ее поддерживает внимание к ней окружающих доброжелателей оказалось много более, чем она думала. Ее помнили многие участники Коммуны, вернувшиеся в Париж после эмиграции. Анне Васильевне исполнилось лишь 44 года. К сожалению, не сохранилось сведений о том, как сложилась во Франции судьба сестры Анны Васильевны — Жаклар неохотно посвящал Софью Васильевну в семейные дела, от самого Юрия письма постепенно перестали поступать.

До конца дней Софью Васильевну волновал вопрос, как сделать так, чтобы оставить добрую память о об Анне Васильевне («Зачем же она жила, с отъездом страдала»). Письма сестры Софьи Васильевны обнаружила в ее бумагах рукопись драмы, которая не была окончательно обработана. Ковалевская по словам ее знакомой «было ужасно боюсь при мысли, что богатые дарования сестры были стеснены в своем развитии и она находила некоторое утешение в том, чтобы хотя после ее смерти создать ее блестящую репутацию».¹² Для этого она хотела выпустить какое-либо произведение Анны Васильевны, не опубликованное при ее жизни. Но как и старшую сестру, смерть настигла Софью Ковалевскую в раннем возрасте. Многие ее планы остались неосуществленными, в том числе и этот. Сейчас в Палибино, где прошла юность Корвин-Круковских, создается музей. Там — личные вещи Софьи Ковалевской, письма сестер и адресованные им дружеские послания, портреты родных и близких, исследования их жизни и деятельности, прижизненные издания их работ. В числе последних публикаций Анны Васильевны — рассказы «Записки спирита» и «Фельдшерница». Сохранилось упоминание, что Анна Васильевна писала воспоминания об осаде Парижа и Коммуне 1871 года. В разных архивах страны и за рубежом поиск продолжается.

Примечания

- 1 ШТРАЙХ С. Сестры Корвин-Круковские. М. 1933. ЕГО ЖЕ. Русская нигилистика в Парижской Коммуне. М. 1933.
- 2 КОВАЛЕВСКАЯ С. В. Воспоминания повести. М. 1974. с. 50. ЕЛЬ Ф. Из времен моего студенчества. Знакомство с С. В. Ковалевской — Женское дело. 1899. № 4. с. 41.
- 3 Цит. по ШТРАЙХ С. Сестры Корвин-Круковские. с. 12–13.
- 4 Русская старина. 1890. № 12. с. 714.
- 5 ДОСТОЕВСКАЯ А. Г. Воспоминания. М. 1987. с. 174.
- 6 Звезда, 1928. № 10. с. 126. Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М. Пг. 1922. с. 55.
- 7 Русская старина. 1890. № 12. с. 642. КОЧИНА П. Я. Софья Васильевна Ковалевская. М. 1981. с. 30–31.
- 8 ЛЕОФЛЕР А. К. Софья Ковалевская. СПб. 1993. с. 53. КОБАЛЕВСКАЯ С. В. Воспоминания и письма. М. 1951. с. 137.
- 9 Российская публичная библиотека. ф. 352. д. 399. л. 104–176.
- 10 КНИЖНИК ВЕТРОВ И. С. А. В. Корвин-Круковская Жаклар — Звезда. 1928. № 10. с. 135–141.
- 11 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. ф. 417. д. 72. с. Женское дело. 1899. № 4. с. 50.
- 12 ЛЕОФЛЕР А. К. Указ. соч. с. 219.

Все материалы о Парижской коммуне 1871 года: мемуары, свидетельства, документы, исследования, публицистика, поэзия, аудио- и видеоматериалы
<http://istmat.info/node/28030>